

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЗЕМЛЕ

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Елена Юрьевна БОНДАРЕНКО,
кандидат исторических наук

Гражданская война и военная интервенция на Дальнем Востоке России были значительно осложнены присутствием на обширной российской территории от Пензы до Владивостока военизированного чехословацкого корпуса¹, насчитывавшего 30 тыс. чел.² Причины появления чехословаков на российской территории уходят своими корнями в XVII в.

После поражения в битве на Белой горе в 1620 г. Чехия, а к концу XVII в. и Словакия оказались под властью австрийских Габсбургов. Никогда не прекращавшиеся попытки чехословаков освободиться из-под власти габсбургской династии оживились с началом первой мировой войны.

В 1915 г. в Париже представителями различных чехословацких национал-либеральных политических группировок был создан единый руководящий орган — Чешский комитет действия, переименованный впоследствии в Национальный совет чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет)³. Председателем совета стал известный политический деятель, профессор философии Пражского университета Т. Масарик, заместителем Й. Дюрих, секретарем — ближайший сотрудник Масарика Э. Бенеш. Вновь созданный орган практически взял на себя представительство интересов всех чехов и словаков перед странами Антанты. Стремясь увеличить свой политический вес, Национальный совет выступил с идеей создания собственных воинских частей из находившихся в России чехов и словаков. К началу первой мировой войны в России проживали около 100 тыс. чехов и словаков. Еще осенью 1914 г. по просьбе чешских колонистов была создана Чешская дружина в количестве 903 добровольцев⁴.

В ходе боевых действий русские войска захватывали в плен все больше чехов и словаков, насильственно угнанных воевать под австрийскими знаменами. Многие чехи сдавались в плен добровольно. «Мы просили позволить нам создать из наших пленных добровольческую армию, которая выступила бы против немцев, — писал позже в своих воспоминаниях Т. Масарик⁵.

Первоначально российское царское правительство весьма скептически относилось к планам расширения чехословацких воинских частей за счет пленных, предпочитая помещать пленных чехов в лагерь. «Сложностей в России было много, — вспоминал Т. Масарик, — самые невероятные — с русскими властями, которые никак не могли взять в толк, чего мы добиваемся. Они принимали нас за австрияков и за предателей нашего императора... И многие

русские не желали отдавать чехов в армию, наши пленные им были нужны как прекрасные рабочие на фабриках, в шахтах, на дорогах и на полях»⁶.

Осенью 1915 г., когда на Восточном фронте шли тяжелые позиционные бои, русское правительство согласилось, наконец, на пополнение Чешской дружины военнопленными, число которых непрерывно увеличивалось. В начале 1916 г. дружина была переформирована в чехословацкий стрелковый полк, с апреля началось формирование стрелковой бригады, а 26 сентября генерал Н. Духонин разрешил официально сформировать из бывших военнопленных отдельный чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. Командиром корпуса был назначен русский генерал В. Шокоров, начальником штаба — также русский генерал М. Дитерихс⁷. По воспоминаниям британского дипломата Р.Б. Локкарта, «... чешская армия... состояла из военнопленных. Они были славяне, только формально австрийские подданные, и в начале войны толпами переходили на сторону русских. Они не любили царский режим, который отказывался признать их самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социал-революционерам»⁸.

Весной 1917 г. при поддержке западных союзников перед русским командованием был поставлен вопрос о переброске чехословацких частей во Францию для участия в боевых действиях против Германии. «С немцами и мадярами мы уже находились в состоянии войны, — писал Масарик, — поскольку я официально просил французов объявить наш корпус частью французской армии»⁹. Планировалось, что путь бывших военнопленных чехословаков на запад будет лежать через Владивосток, поскольку, по словам Масарика, «... на Мурманск — дорога не в порядке, Архангельск замерз до мая»¹⁰. Вместе с чехословаками на родину из Владивостока на американских пароходах должны были выехать германские и австрийские военнопленные, находившиеся здесь со времен первой мировой войны.

15 января 1918 г. филиал Национального совета чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет) во главе с Т. Масариком провозгласил чехословацкие вооруженные силы в России «составной частью чехословацкого войска, состоявшего в ведении Верховного главнокомандования Франции»¹¹. Корпус полностью перешел на содержание союзников. «Первые деньги, — писал Масарик, — я получил от англичан... 80 тыс. фунтов стерлингов. В Москве с французской миссией... все вопросы, как финансовые, так и продовольственные, были разрешены в положительном смысле... чтобы мы тотчас отправились во Францию»¹².

Для реализации задуманного плана корпусу предстояло пересечь с запада (а корпус дислоцировался в Киеве) на восток огромную территорию. «Я добился от большевиков... «вооруженного нейтралитета», — вспоминал Т. Масарик, — то есть того условия, что наши солдаты поедут в Сибирь, имея с собой оружие... Нашим солдатам я разослал приказ: не вмешиваться во внутренние дела русских — чтобы в них не увязнуть, в том случае если против них выступит какая-либо «славянская партия» — защищаться»¹³.

Чехословаки продвигались через Сибирь не как боевая единица, а как группа свободных граждан, бывших военнопленных, везущих с собой определенное количество оружия для защиты от покушений. Так, на каждую тысячу человек из числа чехословаков насчитывалось 100 винтовок и 1 пулемет¹⁴. Таким образом, корпус всеми силами стремился сохранить себя как военную организацию.

5 апреля 1918 г. Япония высадила небольшой десант во Владивостоке. Большевицкое руководство посчитало это достаточным основанием для разрыва только что установленного соглашения с корпусом. 9 апреля из Москвы в Красноярск было отправлено подписанное Сталиным разъяснение, фактически отменявшее прежнее соглашение. Новые условия большевиков — пол-

ное разоружение чехословаков и проезд их во Владивосток мелкими группами, что должно было раздробить корпус, но на самом деле его эшелоны растягивались вдоль всей Транссибирской железнодорожной магистрали.

Вместе с тем превращение большевистской России в своеобразного невоюющего союзника Германии подтолкнуло премьеров и министров иностранных дел стран Антанты принять на совещании 15 марта 1918 г. решение о непризнании Брестского мира и необходимости вмешательства во внутренние дела России.

В этой ситуации чехословацкий корпус превратился в возможный авангард союзнической интервенции. «В настоящее время между Пензой и Владивостоком находятся 70 тыс. вооруженных чехов, — писал Генеральный консул США в Иркутске Гаррис, — это армия, которая может быть использована в качестве ядра, к которому присоединятся многие антибольшевики с целью свержения большевиков. ... В связи с этим я рекомендую, чтобы чехи остались в данный момент в Сибири и чтобы немедленно был рассмотрен вопрос о совместной интервенции»¹⁵.

Следует отметить, что накануне прибытия чехословаков во Владивосток в руководстве филиала Национального совета произошли важные изменения. Т. Масарик в начале марта 1918 г., посчитав свою миссию в России выполненной, под вымышленным именем уехал в США. В Вашингтон он следовал через Владивосток, посетил французского консула и сообщил, что 40—50 тыс. чехословаков в скором времени придут в город по дороге во Францию. В частности, первый чехословацкий полк под командованием французского генерала уже двигался в это время по Амурской железной дороге. Уезжая в США, Т. Масарик возложил заботы о жилье, пропитании и транспорте многотысячного корпуса на французского посла во Владивостоке. Тот в свою очередь обратился за помощью к союзным консулам. Помощь в репатриации рассматривалась союзниками как своего рода плата за участие в борьбе против большевизма.

«... Было бы серьезной ошибкой вывезти чехословацкие войска из Сибири, — писал посланник США в Китае Рейнш. — При небольшой материальной и моральной поддержке они смогут контролировать всю Сибирь в ущерб Германии. Если бы их не было в России, стоило бы доставить их туда издалека...»¹⁶

Таким образом, бывшие чехословацкие военнопленные, преданные собственным правительством, вместо репатриации на родину через Владивосток стали, по выражению Э. Бенеша, «весьма весомой пешкой на шахматной доске»¹⁷. Более того, по прибытии во Владивосток французский комиссар Каннэм заявил чешскому командованию: «Только победители могут рассчитывать попасть к себе на родину»¹⁸.

В конце апреля 1918 г. первые 6 тыс. чехословаков прибыли во Владивосток¹⁹. 27 мая 1918 г. чехов в городе уже насчитывалось 10 тыс. чел.²⁰ Как отмечал американский адмирал Найт, чехи поначалу были настроены очень миролюбиво: «... им предлагали принять на добровольных началах участие в военных операциях в Сибири и России, но они категорически отказались, полагая, что тем самым окажутся в конфликте с русской группировкой, тогда как их главным врагом является Германия. Чехи все более беспокоились в связи с отсутствием новостей относительно сроков их отправки»²¹.

По прибытии во Владивосток чехословаков разместили в пересыльных казармах на Второй Речке, снабдили необходимыми продуктами питания. Известно, в частности, что в период 1918 — 1920 гг. продукты питания для чехов во Владивостоке отпускались в долг, также бесплатно для них было пользование почтой, телеграфом, канцелярией, таможней. Задолженность чехословаков предприятиям обслуживания составила 25323751 золотой рубль²².

Поначалу отношения бывших чехословацких военнопленных с жителями города и советской городской администрацией складывались вполне доброжелательно. В частности, глава чехословацкой дипломатической миссии во Вла-

дивостоке доктор Гирса отмечал: «Что касается Дальнего Востока, я с чувством глубокой благодарности и искренней дружбы считаю своим долгом засвидетельствовать, что эвакуация наших солдат не только не встречала никаких препятствий, а, напротив, ей оказывалось всегда всевозможное содействие, за что я считаю своим долгом принести искреннюю благодарность»²³.

Другое свидетельство об отношении к чехословакам на Дальнем Востоке имеется в изложении чехословацкого генерала Сырового: «Русские на Дальнем Востоке относятся к чехам совершенно корректно. Чешские поезда имеют возможность беспрепятственно подъезжать к Владивостоку. Наши солдаты надеются на отдых во Владивостоке после длительного пути»²⁴.

Таким образом, поначалу бывшие чехословацкие военнопленные, вооруженные и сформированные в корпус, вели себя по отношению к местным жителям Владивостока вполне благожелательно. Однако задержка с отправкой на родину, предательство со стороны руководства и подстрекательство со стороны союзников подтолкнули чехословаков к вооруженному мятежу. «Наши пленные были в определенной мере деморализованы... это вполне естественно: любая неволя парализует человека, — писал впоследствии Т. Масарик, размышляя над причинами участия чехословаков в белогвардейском мятеже. — Чехи не всегда умеют проявить твердость, они «дают осечку», если у них нет занятия, дела; так случилось с переходом через Сибирь и повторилось в конце сибирской кампании»²⁵.

Прибытие чехословаков во Владивосток 7 июня 1918 г. ознаменовалось приказом штаба чехословацкого отряда, впоследствии отмененным по требованию Временного правительства автономной Сибири. По этому приказу выезд из г. Владивостока с 7 июня 1918 г. мог быть разрешен только чехословаками. Спокойствие в городе также должны были поддерживать только чехословацкие войска. Не подчинявшиеся действиям и распоряжениям подлежали аресту, причем аресты должны были производиться только по ордерам коменданта чехословаков. Русскую охрану по приказу от 7 июня 1918 г. должны были разоружить»²⁶.

«Означенный приказ в случае его опубликования может быть понят населением как акт вмешательства чехословаков, действующих от имени союзников, в наши внутренние дела, что может иметь нежелательные последствия», — так отозвалось Временное правительство автономной Сибири о данном приказе и объявило его выпуск «недоразумением»²⁷.

Приказ штаба чехословаков был отменен, и координация действий чехословацкого корпуса с Временным правительством автономной Сибири (ВПАС) позже была налажена. Более того, члены чехословацкого Национального совета Гирса и Шпачек заверили главу ВПАСа П.Я. Дербера в том, что пока чехословаки находятся на Дальнем Востоке, никакие выступления и враждебные акты по отношению к Временному правительству автономной Сибири допущены не будут»²⁸.

И основная масса чехословаков на Дальнем Востоке действовала совместно с правительством ВПАСа. Свидетельством тому является Грамота Сибирского правительства чехам и словакам от 3 сентября 1918 г., опубликованная в Вестнике Временного правительства автономной Сибири. «Братья чехи и словаки! — гласила грамота. — Война забросила вас далеко от нашей родины. Значительная часть населения Сибири связана с вами узами национального родства. Судьба объединила нас против общего врага. Вынужденные выступить против большевиков и выйдя таким образом из состояния нейтралитета, вы не отказались помочь нам в борьбе с темными силами, разрушившими русскую государственность... Временное Сибирское правительство выражает твердую уверенность, что предстоящие совместные наши действия (против большевиков) будут сопровождаться такими же выдающимися успехами»²⁹.

Так восторженно Вестник ВПАС охарактеризовал вооруженное нападение чехословаков на Владивостокский совет и части красной гвардии, нахо-

дившиеся в своих казармах. 29 июня 1918 г. несколько членов исполкома совета и его председатель К. Суханов, оказавшиеся в момент выступления чехословаков в помещении совета, были арестованы, а затем расстреляны. Характерно, что, по свидетельству очевидцев владивостокских событий 29 июня 1918 г., «чехи даже оказались менее кровожадными, чем местная буржуазия, избивавшая рабочих, и пытались сдерживать толпу, но напрасно»³⁰.

Вспоминая о чехословацко-белогвардейском перевороте во Владивостоке 29 июня 1918 г., очевидец писал: «Чехов буржуи угощали спиртом и вином, и те доканчивали начатое дело, не подозревая, что они обмануты и будут со временем горько жалеть о своих поступках»³¹. Обманутыми чехословаков называют и в обращении Владивостокского подпольного горкома РКП(б) к рабочим города, вышедшем в связи с чехословацко-белогвардейским переворотом во Владивостоке. Здесь же говорится о чехах-социалистах, вставших непосредственно в ряды Красной Армии и Советов³². Вместе с тем в сообщении американского консула во Владивостоке Колдуэлла государственному секретарю США Лансингу от 5 июля 1918 г. подчеркивается полное взаимодействие чехословаков с союзниками, а также с японцами и их надежда на поддержку и руководство со стороны США. «Полагаю, — заключал Колдуэлл, — что ситуация требует немедленных действий и что мы должны помочь чехам в их борьбе... предоставив им оружие, военное снаряжение, госпитали Красного Креста с медицинским персоналом и всеми лечебными средствами, а также некоторые вооруженные силы. Данная операция будет направлена не за или против какой-либо русской партии, а также чехов, но против Германии и Австрии»³³.

Стремление использовать чехословаков в качестве военной силы как большевиками, так и союзными войсками привело к расколу чехословацкого корпуса изнутри. Сразу же после захвата Владивостока отряд чехословаков, насчитывавший 6 тыс. чел., двинулся на Никольск-Уссурийский. Первый бой чехословаки провели у станции Надеждинской, где против белочехов сражался отряд сучанских рабочих в 3 тыс. чел., который был разбит чехами³⁴.

Для отражения наступления белочехов были сняты войска с Гродековского фронта и переброшены к Никольск-Уссурийскому. Недалеко от этого места, у разъезда 69-й версты, был образован противочешский фронт. Белочехи в три раза по численности превосходили силы большевиков. Наиболее ожесточенный бой белочехов с бойцами красной гвардии произошел в местечке Фенина Сопка. Здесь в течение 11 часов шла битва между чехословацкими и венгерскими войсками бывших военнопленных. Из 376 венгров в живых остались в этом бою только 179 чел.³⁵ Тяжелые потери понесли и чехи. На Фениной Сопке их 10-й полк был разгромлен, а 8-й и 9-й полки понесли большие потери. Бои вынудили чешское командование срочно прислать подкрепление из Владивостока. По этому поводу в «Книге записок и информации чехословацких войск», выпущенной отделом чехословацкого военного командования во Владивостоке, появилась следующая запись: «... 2 июля 1918 г. 8, 9 и 10 полки начали наступление на Никольск-Уссурийский. 3 июля мы встретили серьезное сопротивление на 69 версте, но после трехдневного кровавого сопротивления с рукопашным боем 6 июля заняли город Никольск-Уссурийский. Потери Владивостокской группы чехословаков очень чувствительны, в этом виновата тяжелая борьба с неприятелем»³⁶.

После взятия Никольска-Уссурийского чехословаки повели наступление вдоль линии железной дороги к северу, в результате чего Гродековский фронт перестал существовать и был создан Уссурийский фронт. 16 июля 1918 г. произошел тяжелый бой чехословаков с красногвардейцами под Спасском, в с. Хвалынке. Силы белочехов насчитывали здесь не менее 10 тыс. хорошо вооруженных солдат, обладавших дальноточной артиллерией, снятой с боевых кораблей, в результате чего белочехи могли обстреливать русские позиции с больших дистанций³⁷.

Кроме красногвардейцев, насчитывавших около 3 тыс. бойцов, 32 пулемета, 20 полевых орудий, против чехословаков в бою под Хвалынской сражались две интернациональные роты, состоявшие из бывших военнопленных — венгров, а также латышей и чехословаков, перешедших на сторону красной гвардии. В этом бою чехи потерпели поражение, погибли 200 чехословацких солдат³⁸.

В это время другая часть солдат чехословацкого корпуса базировалась во Владивостоке. Они несли охрану торгового порта, железнодорожных станций, прилегающих к городу, а также интендантского склада и концентрационного лагеря с пленными красноармейцами в районе 6-го километра Владивостока. Отдельные подразделения чехословаков в составе интервенционистских войск охраняли Уссурийскую железную дорогу и Сучанские угольные копи, принимали участие в карательных операциях против партизан. Во время этих боев погибло более 100 чехословацких солдат³⁹.

Вместе с тем использование чехословаков в качестве военной силы как союзными войсками, так и большевиками привело к явному идеологическому расколу в чехословацком корпусе. Как сообщалось в докладной записке белогвардейского генерала В.Е. Флуга Совету министров колчаковского правительства о политике держав на Дальнем Востоке в 1918 г., «... чехословаки... подверглись в России в 1917 г. сильной социалистической пропаганде, которая упала на благоприятную почву, так как комплектуясь, главным образом, из состава военнопленных нижних чинов... чехословацкие полки представляли почти сплошь демократическую массу, уже подготовленную для восприятия социалистических идей»⁴⁰.

Свидетельством раскола между бывшими военнопленными чехословаками является Циркулярное сообщение бюро печати Дальсовнаркома всем местным Советам о положении на Никольск-Уссурийском фронте в июле 1918 г.: «... среди чехословаков начался раскол, наши войска перешли в наступление. Беженцы передают, что между авангардом чехословаков, находившихся в передовых рядах, и чехословацкими частями на станции Раздольное идет перестрелка... 71-й полк целиком отказался от участия в выступлении, принимает всех отказавшихся выступать чехословаков...»⁴¹

Раскол между легионерами стал очевидным еще в марте 1918 г.; тогда из недовольных чехословаков создавали революционные отряды. В середине мая 1918 г. из солдат чехословацкого корпуса был сформирован чехословацкий революционный отряд при Красной Армии, который первоначально насчитывал до 300 бойцов⁴². При отряде было создано Информационное бюро, публиковавшее воззвания и обращения на страницах большевистских газет Дальнего Востока и Центральной России, а с 5 июня 1918 г. начавшее выпускать на чешском языке собственную газету «Правда» (орган чехословацкой социал-демократической партии коммунистов)⁴³.

В Хабаровске в 1918 г. была создана социал-демократическая организация, руководил которой чех Суханек. Во Владивостоке всю политическую работу возглавил партийный комитет, избранный на совещании чехословацких революционных социал-демократов Владивостока (председатель И. Машек, секретарь и редактор газеты «Правда» И. Янда)⁴⁴.

Командиром чехословацкого революционного отряда, переименованного в июне 1918 г. в Первый стрелковый батальон Чехословацкой красной армии, во Владивостоке стал бывший офицер чехословацкого корпуса Вацлав Мировский⁴⁵.

Вместе с тем коммунистическая пропаганда в рядах чехословацких легионеров, приведшая к расколу корпуса, серьезно беспокоила командование Владивостокской группировки чехословацкого корпуса. Приказом командующего корпусом генерала М.К. Дитерихса была создана специальная дисциплинарная комиссия, собиравшая сведения о чехах, подозреваемых в намерении выйти из корпуса или в симпатиях к коммунистам. Эта комиссия практикова-

ла в качестве меры пресечения лишение гражданских прав, тюремное заключение или отправку в штрафные части⁴⁶.

Так, два полка чехословаков, отказавшихся выступить против советской власти, были разоружены и интернированы на Русский остров.

Однако путем провокации чехословацкому командованию удавалось склонить большинство солдат к борьбе против Советов. Зная неприязнь чехов к немцам и венграм, белогвардейцы совместно с руководством чехословацкого корпуса во Владивостоке выдавали за пленных, захваченных на Уссурийском фронте, военнопленных венгров и немцев из Никольск-Уссурийского лагеря, находившихся там со времени первой мировой войны⁴⁷. Одновременно среди чехословаков распространялись слухи о том, что на стороне большевиков воюют немцы, поэтому чехам необходимо создать в Сибири и на Дальнем Востоке единый противогерманский фронт.

Однако 3-й батальон 4-го строительного полка чехословацкого корпуса воевать против России отказался. Несмотря на репрессии и угрозы, этот батальон ни в 1919, ни в 1920 гг. не пожелал получить оружие, намереваясь демонстративно прибыть безоружными на родину. Данный батальон был интернирован чехословацким командованием в бухту Горностай, в район Владивостокской крепости, он утратил свой номер, а роты мятежного батальона получили новую нумерацию. Солдаты из батальона поодиночке и партиями были отправлены в другие роты, часть солдат признали больными, их выслали на родину, некоторых арестовали и направили в штрафные батальоны. Однако до лета 1920 г., вплоть до отправки батальона на родину, здесь существовал уникальный демократический орган бывших чехословацких военнопленных, названный «солдатским комитетом заступительства»⁴⁸.

Этот «комитет заступительства» участвовал в так называемом гайдовском восстании, когда большевистски настроенные части корпуса, расположенные в районе Первой Речки Владивостока, восстали против своих белогвардейски настроенных земляков. Этот мятеж был жестоко подавлен, а комитеты заступительства в частях корпуса распущены, их члены арестованы и интернированы на о-в Русский. В 1919 г. участники гайдовского восстания в качестве арестантов были отправлены на родину⁴⁹.

Оставшиеся на о-в Русском члены чехословацкого «заступительства», несмотря на военно-тюремный режим интернирования, выпускали в нескольких экземплярах рукописную подпольную коммунистическую газету «Сиротек», впоследствии она печаталась в подпольной типографии на стеклографе. В газете разоблачалась чехословацкая авантюра в Сибири и на Дальнем Востоке, выражались симпатии русскому народу. Газета пользовалась популярностью у чехословацких солдат⁵⁰.

Даже после того как члены «заступительства» с Русского острова были в качестве военных преступников отправлены в Чехословакию осенью 1919 г., газета «Сиротек» продолжала издаваться «заступительским комитетом» интернированного 3-го батальона 4-го строительного полка, находившегося в районе бухты Горностай⁵¹.

На Анджеро-Суджинских каменноугольных копях работала еще одна группа чехословацких солдат, интернированных за свое критическое отношение к происходящим на Дальнем Востоке событиям и нежелание участвовать в боевых действиях с местным населением. Эта группа, уезжая из Владивостока в 1920 г., опубликовала в большевистской газете «Красное знамя» письмо к жителям города: «Мы, разоруженные солдаты чехословацкой армии разных частей, прощаемся сегодня с вами, товарищи и граждане Дальнего Востока. Многие из нас были принуждены штыками воевать против вас... Мы не забудем, что мы видели, слышали и пережили. Это будет история чешской армии в Сибири, «гунны в Сибири». Мы во Владивостоке жили очень долгое время... Нас в течение целого года старались всеми мерами заставить взять оружие и

отказаться от своих взглядов. Дорогие товарищи и граждане, простите, но мы не виноваты в том, что здесь произошло...»⁵²

Перед отправкой на родину по совместному решению командования корпусом, Приморского земского правления и Владивостокской городской управы на Морском кладбище Владивостока был создан единый воинский мемориал. Работами по его устройству руководил Войцех Коубек. Сюда вошли две братские могилы: в одной похоронены участники гайдовского восстания, в другой — прах солдат, ранее похороненных под Шкотово, Раздольным, Спасском. Всего 400 чел. И 92 индивидуальные могилы⁵³.

Планировалось, что чехословаков из Владивостока будут перевозить на американских пароходах. В частности, генерал П. Марч, начальник Генерального штаба армии США, заявил в феврале 1920 г., что чехословаки будут перевезены из Владивостока на родину через Суэцкий и Панамский каналы, причем союзники уплачивали за перевозку каждого legionера 225 дол.⁵⁴

В течение марта 1920 г. состоялась репатриация 20 тыс. чехословацких солдат и офицеров⁵⁵. Бывшие чехословацкие военнопленные были перевезены на американских судах: «Матаваска», пароход грузоподъемностью в 1 тыс. т, взял на борт 106 чехословацких офицеров и 2405 солдат. Пароход «Эделайн» грузоподъемностью в 230 т перевез 38 офицеров и 2100 солдат. Пароход «Америка» грузоподъемностью 2700 т 15 марта 1920 г. взял на борт во Владивостоке 267 чехословацких офицеров и 6200 солдат. Пароход «Монт-Вернон» перевез 234 офицера и 6368 солдат⁵⁶.

Кроме чехословаков вышеуказанные американские корабли должны были перевозить германских и австрийских военнопленных, не перешедших на сторону Красной Армии. Так, 18 января 1920 г. папа Римский обратился к японскому правительству с изложением плана возвращения на родину находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке германских и австрийских военнопленных. План состоял в том, чтобы японское правительство взяло на себя ответственность за вывоз этих пленных из России в Японию и содержание их там до прибытия американских кораблей. Однако ввиду недостаточного количества кораблей для репатриации этот план не был реализован⁵⁷.

Последние иностранные военнопленные в составе 250 чехословаков, 550 австрийцев и немцев были отправлены из Владивостока на родину в конце февраля — начале марта 1923 г.⁵⁸ Дальревком предоставил для этих военнопленных железнодорожный состав. Репатриации предшествовала следующая телеграмма от Дальревкома в посольство Чехословакии: «Вследствие критического положения чехословацких граждан, ожидающих отъезда на родину, просим сообщить решение вопроса об отправке чехословацких репатриантов из Владивостока в Москву». Вопрос был решен положительно⁵⁹.

Таким образом, бывшим чехословацким военнопленным на Дальнем Востоке в годы гражданской войны и военной интервенции отводилась особая роль как в планах союзников, так и различных российских политических партий. Чехословаки были втянуты в гражданскую войну в России, которая самым трагическим образом отразилась как на их судьбах, так и на судьбах других иностранных военнопленных в России.

¹ Эти цифры у различных авторов варьируются по-разному. Так, в воспоминаниях Т. Масарика говорится о 50 тыс. чехов, консул США во Владивостоке Колдуэлл указывает цифру в 40—50 тыс. чехословаков; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России: Документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 192; Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком // Вопр. истории. 1998. № 2. С. 105.

² Юрченко В. Мятёж, которого не было... // Родина. 1994. № 1. С. 29.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком // Вопр. истории. 1988. № 2. С. 103.

⁶ Там же. С. 103.

- ⁷ Юрченко В. Мятеж, которого не было... С. 29.
- ⁸ Локкарт Р.Б. История изнутри: Мемуары британского агента. М., 1991. С. 265.
- ⁹ Чапек К. Беседы с Масариком. С. 106.
- ¹⁰ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 153.
- ¹¹ Там же. С. 147.
- ¹² Минц И.И. Год 1918-й. С. 499.
- ¹³ Чапек К. Беседы с Масариком. С. 106.
- ¹⁴ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... С. 184—185.
- ¹⁵ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 184.
- ¹⁶ Там же. С. 196.
- ¹⁷ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955. С. 71—72.
- ¹⁸ ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3. Л. 152.
- ¹⁹ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 193, 194.
- ²⁰ Там же. С. 194.
- ²¹ Там же.
- ²² Родина. 1922. 17 авг.
- ²³ Голос Родины. 1920. 17 апр.
- ²⁴ Там же. 15 апр.
- ²⁵ Чапек К. Беседы с Масариком. С. 104—105.
- ²⁶ Красный архив. 1929. Т. 35. С. 72—73.
- ²⁷ Там же. С. 72.
- ²⁸ Там же. С. 81.
- ²⁹ Вестник Временного правительства Автономной Сибири. 1918. 3 сент.
- ³⁰ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 215.
- ³¹ Там же. С. 215.
- ³² Там же. С. 217.
- ³³ Там же. С. 219.
- ³⁴ ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3. Л. 157.
- ³⁵ Там же. Л. 160.
- ³⁶ Там же. Л. 161.
- ³⁷ Там же. Л. 164.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Красное знамя. Владивосток, 1992. 24 янв.
- ⁴⁰ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 234.
- ⁴¹ Красное знамя. Владивосток, 1992. 24 янв.
- ⁴² Голос Приморья. Владивосток, 1918. 23 мая.
- ⁴³ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. С. 224.
- ⁴⁴ Голос Приморья. 1918. 23 мая.
- ⁴⁵ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. С. 224.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3. Л. 157.
- ⁴⁸ Там же. Л. 157.
- ⁴⁹ ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.
- ⁵⁰ Там же. Л. 158.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Красное знамя. Владивосток, 1992. 24 янв.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Голос Родины. 1920. 29 февр.
- ⁵⁵ Там же. 20 февр.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. 18 янв.
- ⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 266. Л. 107.
- ⁵⁹ Там же.

SUMMARY: One of a numerous aspects of the problem of foreign prisoners of war in the Far East of Russia in the XXth century is concerning to the stay of Czech-Slovak prisoner of war in the region during the years of the Civil war and foreign intervention. The article written by Candidate of Historical Sciences E. Bondarenko deals with this problem. Basing on the study of central and regional archives the author analyzes reasons of appearing of foreign prisoners of war both in the White and Red army during 1918—1922. She studies the peculiarities of their activity in the Russian Far East, appraises their stay in the region. The author used many archive documents for the first time.